

Полвека и четверста восемьдесят восемь дней

Летопись событий и фактов глазами очевидца и участника

Мы завершаем публикацию воспоминаний одного из старейших журналистов России музыкального критика Мариам Игнатъевой о газете, с которой связана вся ее профессиональная жизнь, начатую в прошлом номере.

Большие перемены

...Год 1973-й. Начинаясь новая эпоха. Газету повысили "в чине": сделали органом ЦК КПСС. Мы получили подъезд в семистажном доме на Новослободской, где появились кинозал, конференцзал, столовая, начальственный буфет. И вообще зажили безбедно.

До сих пор сама процедура перехода газеты в другое подчинение вспоминается с трепетом. Сколько волнений, переживаний, нервов! Уволили сразу всех, но всех ли зачислят? В небольшую комнату вызвали по одному на собеседование. О главном — Алексее Владимировиче Романове — сразу попользи слухи, кто говорил — "строгий, придирчивый, злой дед" ("дедом" его сразу прозвали все, даже я, хотя помоложе его всего на пять лет). Другие, напротив, утверждали — добрый, вежливый и интеллигентный. Уволили меня с должности заместителя редактора отдела музыки, и вопрос мне на собеседовании задан был один-единственный: "Должность заместителя редактора займет бывший редактор отдела, а как же с вами поступить?" — "Да мне безразлично: должность меня не волнует, — выпалила я незамедлительно. — За 20 лет служения в этой газете имя журналистское я заработала. Это, по моему, самое важное". На том, к нашему общему удовольствию, разговор и завершился. Я была зачислена.

Новый статус — "газета ЦК КПСС" — сразу сделал нас уважаемыми и влиятельными. От наших выступлений, рецензий, откликов немало зависело, поэтому ждали их с нетерпением и тревогой.

В те времена очень важной считалась работа с читателями.

Наш "Клуб интересных встреч", "Устные выпуски", "Круглые столы" были предметом зависти собратьев по перу из других редакций. На Новослободской особенно развернулись — даже Университет культуры на шарикоподшипниковом заводе организовали, регулярно проводили "занятия-встречи с самыми знаменитыми". Всякое здесь бывало: и интересное, и поучительное, и смешное.

Один урок на Шарикоподшипнике

Встреча с Тамарой Синявской и Муслимом Магомаевым на заводе

стала сенсацией. Даже не стоит говорить, как великолепно пели Тамара и Муслим, какое наслаждение получила многочисленная публика, — сведения о том, что ожидаются такие потрясающие гости в Университете культуры, распространились во всем районе. Все прошло роскошно, зал забит до отказа. Но как вывести гостей при таком аншлаге? Задача труднейшая. Через главный вход — невозможно: толпа поклонников буквально заблокировала все двери. Началась "эвакуация" через служебный вход. Мы выстроили в два ряда живой коридор. Муслима и Тамару вывели к такси, и Магомаев, в прыгнув в

машину, захлопнул дверь, зафиксировав кнопкой замок. С Тамарой оказалось труднее: чуть-чуть замешкавшись, она оказалась почти рядом с фанаткой мужа.

— А тебя надо четвертовать! — орала та истощенным голосом.

— Меня? За что? — недоумевала Тамара.

— А за то, что ты украла у нас Муслимчика! — И длинные, ярко окрашенные ногти ее потянулись к лицу певицы. Как знать, не будь рядом ловкого, находчивого таксиста, может, и быть бы Синявской с разодраным лицом...

Вот они, фанатки! Впоследствии Муслим и Тамара как-то поладили с ними и время от времени даже приглашали к себе на чашечку чая...

И гималайскому медведю дали высказаться

Очередной "Устный выпуск" в Доме журналиста проводили заместитель главного редактора Борис Иванов, Марк Захаров, прославленная дрессировщица Наталья Дурова, молодая, тогда восходящая звезда Тамара Гвердцители и я как президент "Клуба интересных встреч". Разговор шел о проблемах концертного дела, в частности эстрадного, о качестве программ, о вкусах зрителей, о культуре. Беседа получилась воинственной: "борьба", решительная "борьба" — то и дело слышалось в речах. Пианист сыграл "Революционный" этюд Шопена, захватывающе спела свою песню о музыке Тамара Гвердцители, бойцовские ноты прозвучали и у знаменитой Дуровой. "Ну а теперь, — неожиданно завершила она свое выступление, — маленький сюрприз". И удалилась за кулисы. Зал с нетерпением замер. Сюрприз оказался отнюдь не маленьким. Это был гималайский медведь. Пламенных "бойцов за культуру" как ветром сдуло со сцены. А медведь, фатоватый, с букетом искусственных цветов, не спеша приблизился ко мне, стал на задние лапы и, припав на одно колено, не то ткнулся букетом в грудь, не то, целуя руку, вручил мне букет. Я даже испугаться не успела. В зале смеялись долго и весело...

Много неожиданного, удивлявшего, возмущавшего, трогавшего мне довелось повиждать и пережить за время редакционной жизни...

На моих глазах произошла поразительная сцена, когда Ангелина Степанова за кулисами после программы Аллы Пугачевой, преклонив колени, схватила руку для поцелуя и произнесла: "Вы, Алла! Вы... великая драматическая... актриса!.."

Но я была свидетельницей и "действий-перевертышей", когда произошло позорное недоразумение с выдвижением прекрасной песни "Бухенвальдский набат" на Ленинскую премию. Между поэтом и композитором шли долгие споры, кто более достоин. Стало известно, что списки лауреатов, куда включены обе фамилии, опубликуют в утренних газетах. Накануне вечером в Ульяновске встречали почетных гостей. Первый секретарь обкома прибыл на вокзал, до полуночи Мурадели принимал подарки, одаривал автографами, пожимал руки, горячо приветствовал.

...Утром выяснилось: в списках лауреатов фамилии авторов "Бухенвальдского набата" отсутствуют. Провожать Ваню Мурадели на вокзал поехал лишь администратор филармонии.

Власть Романова

Алексей Владимирович Романов стукачей не любил. Если замечал попытки "наступать", был абсолютно нетерпим, начинал сердиться, даже голос повышал: "Слышать не желаю". И еще одно. "Дед" отказывался искать виноватых в случае опечатки или ошибки: "Я — главный редактор. Я подписал газету, значит, ошибка — моя".

Странное тогда было ощущение. С одной стороны, стабильность и защищенность, а с другой — бывало, внутренне не соглашаешься с директивными указаниями, и надо искать также формулировки, обоснования, чтобы совесть осталась чиста.

Под началом А.Романова я пробыла одиннадцать лет, но, кажется, они пролетели стремительно, до обидного быстро.

...Я никогда не доискивалась истинных причин прихода нового руководителя: так оно и должно быть, ес-

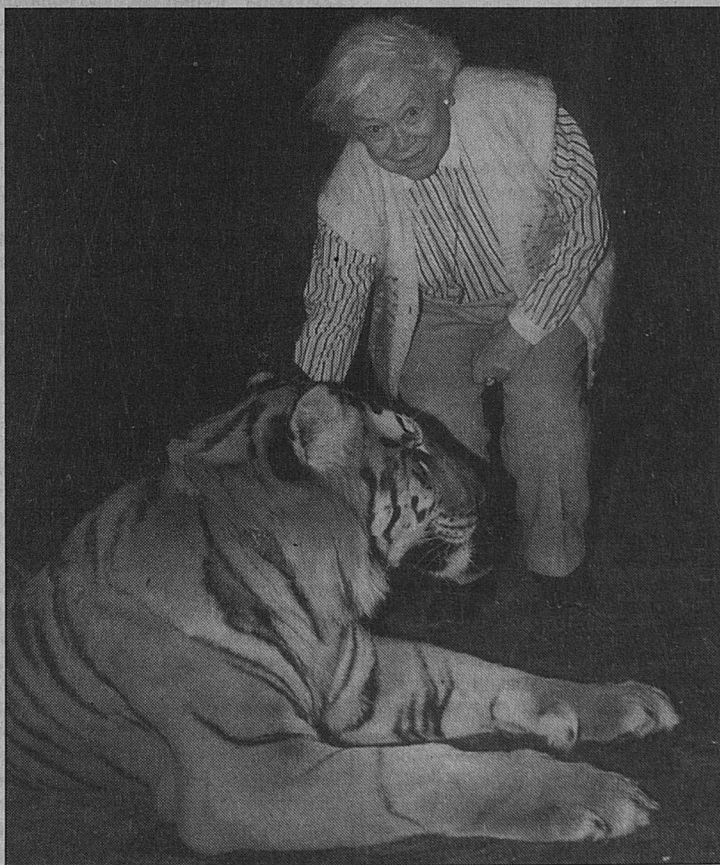
ли идут естественные процессы, нет никаких экстраординарных событий, крупных общественно-политических перемен. Когда на смену Алексею Владимировичу Романову в его редакторский кабинет пришел Барбаш, многие говорили: это талантливый ученый, доктор филологических наук, автор ряда трудов, посвященных литературоведению, высокие должности в Министерстве культуры СССР — все свидетельствует, что это опытный руководитель. Не ручаясь за точность сведений и не ведая, где набрался сей ученый муж сухости манеры в общении с подчиненными, но в редакции появилась атмосфера, прямо сказать, тяжелая, гнетущая. Чего стоила световая строчка над дверью кабинета главного: "Просьба не входить!" Не отвечаю за других, но мне уже категорически не захотелось входить в этот кабинет. Впрочем, главный часто болел, к общению с "рядовыми" не рвался. Мне еще и "повезло" — служба была недолгой: я в том году сломала позвоночник и сравнительно долго не могла работать.

Само собой разумеется, приход моего восьмого редактора стал радостным освобождением. Альберт Андреевич Беляев пришел в "СК", когда в стране начиналась эпоха гласности. И самой важной и заметной рубрикой стала у нас "Прямая речь". Пятьдесят статей, опубликованных в "Культуре" и вышедших отдельным сборником, — это ценнейшая акция, продлевающая однодневную жизнь газетных выступлений крупных деятелей культуры и искусства.

Ну а как жила "Культура" последние годы, нашим читателям известно.

...Сегодня, оглядывая полвека истории нашей газеты, я отчетливо понимаю: в разные годы она была разной, но всегда уникальной, особенной. Особенными кажутся успехи — неповторимыми, оригинальными. Да и просчеты, и ошибки наши никому не повторить.

Мариам ИГНАТЬЕВА

М.Игнатъева с одним из "солистов" полосатой команды уникального аттракциона "Суматранские тигры" под руководством Н.Павленко. Тверь. 1999 г.